

Николай Переслѣгинъ

(РОМАНЪ)

ЧАСТЬ II*)

Сельцы, 6-го августа 1911 г.

Милая Ты моя, страшно сказать, уже больше недѣли не писалъ я Тебѣ. И стыдно сказать, не писалъ, потому что былъ занятъ подготовкой большого лагерного праздника. Состоится онъ передъ самымъ концомъ сбора. Начнется съ офицерскихъ скачекъ; послѣ скачекъ — спектакль въ Клементьевѣ, а вечеромъ — «грандіозный балъ».

Меня уже давно втягивали во всѣ эти ватѣи, но до самого послѣдняго времени я всячески уклонялся. Прорвала мой тщательно укрѣпленный фронтъ жена моего батарейнаго командира, помнишь, та остроносенькая меломанка, о которой какъ-то писалъ Тебѣ.

На слѣдующій же день, какъ я отослалъ Тебѣ послѣднее письмо, она ворвалась ко мнѣ со всей труппой и, приказавъ оторопѣвшему Семену немедленно же ставить самоваръ, низверглась на меня бурнымъ водопадомъ словъ: спектакль никакъ не ладится, до генеральной какая-нибудь недѣля... Я литераторъ, бритый человѣкъ, и не хочу помочь... это не по товарищески... ея мужъ такъ хорошо ко мнѣ относится — это безсердечно, это возмутительно! Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ. Она больше не хочетъ просить, она начинаетъ дѣйствовать!...

(1) «Соврем. Записки», книги XIV (I) и XV (II).

Я не успѣлъ произнести въ отвѣтъ ни одного слова, какъ моя комната была превращена въ сцену, а мнѣ пододвинуто «режиссерское кресло» и врученъ «режиссерскій экземпляръ»; дальше все въ такомъ же темпѣ. Не успѣлъ еще я занять своего кресла, какъ Любовь Ивановна уже начала свою «большую» сцену съ поручикомъ Гришинымъ, своимъ любовникомъ, тайнымъ по пьесѣ и явнымъ по жизни.

Какъ это ни странно, но сѣвъ въ «режиссерское кресло» я невольно вошелъ въ навязанную мнѣ роль. Отъ отдѣльныхъ указаній и разъясненій перешелъ мало-по-малу къ показыванію, а отъ показыванія (тряхнувъ стариной) къ исполненію, подъ суфлера, цѣлыхъ сценъ и чуть ли не дѣйствій.

Любовь Ивановна играла плохо, но ухватисто: безза-
стѣнчиво, бойко и жизненно. Я пытался было ей разъяснить, что это не то, что за дѣйствительное объясненіе въ любви, контрбандой проведенное въ формѣ сценическаго діалога, одинъ актеръ Малаго театра былъ на генеральной репетиціи лишень роли, до того это было скверно, но личега не помогало: — она продолжала играть съ двойной самоувѣренностью «старой любительницы» и «Карачевской львицы».

Кончилась эта импровизированная репетиція импровизированнымъ ужиномъ. Было уже за полночь, когда вся наша компанія подъ предводительствомъ поручика Гришина ввалилась въ уже темное офицерское собраніе. Съ шумомъ подняли вѣстовыхъ, зажгли лѣвъ жаркія «молніи», на столѣ мигомъ очутились какіе-то специально офицерскіе консервы — скумбрія въ томатѣ, баклажанная икра и еще какія-то ненормальности—черезъ нѣсколько минутъ на громадныхъ сковородахъ уже шипѣла яичница и, наконецъ, появилось главное — кофе, коньякъ, гитара...

Началась типично русская офицерская ночь: безпутная, слезливая, гитарная, что-то выстукивающая и вызывающая ошпоренными каблуками, къ двумъ часамъ уже пьяная, уже заплетающаяся ногами и языкомъ, но все еще куда то несущаяся, гикающая, взвизгивающая и подергивающая пле-

чами, ночь пошлая, провинціальная, убогая, но все таки чѣмъ то связанная съ тѣмъ нашимъ, никакому европейцу недоступнымъ, міромъ, о которомъ пляшутъ Наташа Ростова у дядюшки, Грушенька въ Мокромъ, цыганка Груша передъ очарованнымъ странникомъ, о которомъ, рыдая, рокочутъ романсы Апполона Грогорьева и Александра Блока, въ которомъ безысходно буйствуетъ Паратовское Поволжье Островскаго и о которомъ тоскуетъ и мечтаетъ провинція Чехова...

И вотъ, Наташа, съ этой первой репетиціи и начались всѣ мои, далеко еще не конченныя мытарства. Всемогущая Любовь Ивановна добилась таки черезъ своего мужа, что уже на слѣдующій день «приказомъ по бригадѣ» я былъ назначенъ «въ помощь полковнику Потрескину на предметъ содѣйствія организаціи праздника лагернаго сбора». Прочитавъ вечеромъ приказъ, я рѣшилъ на слѣдующее же утро отправиться къ бригадному съ протестомъ и просьбой отмѣнить распоряженіе, но когда я въ девять часовъ утра вышелъ изъ своей избы, то къ палисаднику уже подъѣзжалъ парный экипажъ, а въ немъ Любовь Ивановна... «Куда такъ рано?» — Оказывается, въ Москву за костюмами, и у нея записка на мое имя отъ полковника Потрескина: «ввиду Вашего назначенія въ мои помощники, прошу съѣздить въ Москву за костюмами и париками. Вамъ въ помощь поѣдетъ предсѣдательница нашего «кружка любителей сценическаго искусства» Любовь Ивановна Синицына». Дѣлать было нечего — приказаніе прямого начальника.

Сѣлъ и поѣхалъ въ Москву. Не правда ли, почти водевиль «Если женщина захочетъ, то поставитъ на своемъ». Такъ меня и завертѣло: репетиціи, костюмы, гримъ, декорированіе скаковой бесѣдки, закупка призовыхъ жетоновъ и т. д. и т. д. Любовь Ивановна, съ головой ушедшая въ организацію праздника, ни на шагъ меня не отпускала отъ себя, и мы цѣлыми днями носились между Клементьевымъ, гдѣ репетировался спектакль и полигономъ, гдѣ скаковой павильонъ слѣшно расцвѣчивался флагами, розетками и пальметами.

Увѣренъ, что слухи о моей организаціонно-художественной дѣятельности и о моихъ ежедневныхъ поѣздкахъ съ Любовью Ивановной уже давно дошли до Алеши, и живо представляю себѣ, какою они наполнили его обидой, какимъ презрѣніемъ ко мнѣ, какою жалостью къ Тебѣ. И дѣйствительно, если посмотрѣть со стороны, да еще недоброжелательнымъ взоромъ, то получается картина болѣе чѣмъ пошлая. Разбить жизнь ближайшаго друга, взять у него безконечно любимую жену и, пользуясь ея отсутствіемъ, тутъ же, на его же глазахъ начать волочиться за какой-то напудренной, замусоленной, многороманной барынькой — ну развѣ можетъ быть что-нибудь болѣе подлое и безвкусное!

Увѣренъ, родная, что объяснять свое поведеніе мнѣ Тебѣ не приходится и оправдываться передъ Тобою мнѣ тоже излишне. Но, конечно, не потому, что все понять — все простить, а потому, что ни понимать, ни прощать — нечего. Алешу же мнѣ очень жаль. Приди мнѣ нѣсколько раньше въ голову, что мое времяпрепровожденіе можетъ стать для него источникомъ мученій, я, конечно, оказалъ бы большее сопротивленіе натиску Любови Ивановны. Но что дѣлать — не пришло! Я очень хорошо умѣю смотрѣть на себя со стороны, но очень плохо — смотрѣть на себя чужими глазами, хотя бы и столь хорошо извѣстными мнѣ, какъ Алешины.

Помнишь, Алешу и раньше всегда коробила стилистика моего отношенія къ женщинѣ. Ему всегда казалось, что по существу и сама въ себѣ всякая женщина — только человекъ; женщина же въ женщинѣ — ея темная и принижающая встреча съ мужчиной. Я всей этой благородной точки зрѣнія никогда не принималъ и мнѣ всегда казалось, что все это такъ для нравственно честныхъ, но артистически бездарныхъ мужчинъ, инстинктивно понимающихъ, что своей земнородной чувственности имъ никогда не оснастить звѣздными далями небснаго зроста. Для меня женщина — прекрасное превышеніе человекъ. Относиться поэтому къ женщинѣ просто, какъ къ человекъ — то же самое, что не замѣчать поэта въ Пушкинѣ.

Если бы въ часъ воскресенія изъ мертвыхъ небо вернуло мнѣ Тебя не женщиной, а человѣкомъ — это было бы злою насмѣшкой надъ моею вѣрой въ безсмертіе. Но все это, конечно, не значить, что я не способенъ на безпроблемную дружбу съ женщиной. Это совершенно иное дѣло.

Я очень люблю умныя, дружескія отношенія между мужчинами, которыя конечно же ощущаю не общечеловѣческими, а специфически мужскими (въ Россіи ихъ мало, страна геніальная въ любви, Россія бездарна въ дружбѣ). Но развѣ это что-нибудь говоритъ о моей эротической ненормальности? Совершенно также ничего не говоритъ о чувственномъ влеченіи ко всѣмъ женщинамъ мое живое ощущеніе всего женскаго: женскаго склада ума и тембра женской души, нерва женскаго темперамента и методовъ женскаго кокетства.

Относиться къ Любови Ивановнѣ, какъ къ человѣку, было бы дѣломъ совершенно фантастическимъ; не менѣе фантастическимъ было бы, впрочемъ, и отношеніе къ ней, какъ къ женскому уму, душѣ и темпераменту, ибо Любовь Ивановна Синицына, по сценѣ Черкасская, не только не человѣкъ, но и не женщина, а всего только типичная барынька, которыхъ въ провинціи очень много, и которыя всѣ на одинъ фасонъ. Всѣ онѣ любятъ пеньюары, капоты, пестрыя татарскія туфли и татуировку (сердце, пронзенное стрѣлой) на рукахъ своихъ воздыхателей. У всѣхъ у нихъ въ гостиныхъ горятъ лампы подъ красными абажурами, а на рукахъ кровавыя рубины. Всѣ онѣ со страстью терзаютъ въ своихъ цыганствующихъ носоглоткахъ Панинскіе романсы, всѣ высоко вскидываютъ надъ клавишами аккомпанирующія руки, обязательно страстно глядя при этомъ въ какой-нибудь темный уголь, гдѣ отвѣтно попыхиваютъ и подрыгиваютъ красноголовыя папирасы... При всей своей романтикѣ, онѣ, однако, очень расчетливы, и я не думаю, чтобы какая-нибудь страсть къ поручику или штабсъ-капитану могла той же Любови Ивановнѣ помѣшать своевременно превратиться въ подполковницу, а потомъ столь же своевременно и въ генеральшу.

Однако, Богъ съ ней, съ Любовь Ивановной; и съ чего это только она привязалась ко мнѣ. И такъ цѣлыми днями возишься съ ней...

Сейчасъ тихая ночь, на столѣ тихая лампа, за дверью на дворѣ фыркаетъ лошадь и пожевываютъ коровы, мы съ Тобою вдвоемъ, а я опять съ чего-то о романсахъ, рубинахъ и всякой ерундѣ. А все Алеша! Ударила меня сегодня по головѣ мысль, какъ бы ему не привидѣлось, что я «увлекаю» Любовь Ивановну, а то и самъ увлекаюсь ею. Стало отъ этой мысли и очень грустно и очень больно; стало безконечно жаль Алешу, но одновременно поднялась въ душѣ и досада: и на него — неужели можетъ подумать, и на себя — зачѣмъ связался съ этимъ праздникомъ. Такъ и написалъ это, совсѣмъ какое-то не то письмо.

О главномъ же и не написалъ. Главное то, родная, что нашему свиданію грозитъ отсрочка на двѣ недѣли. Ходятъ слухи, что послѣ лагернаго сбора нашъ дивизионъ приметъ участіе въ маневрахъ. Пока я объ этомъ не думаю и Ты не думай. Вѣдь думать — значитъ накликать. Пока я твердо держусь вѣры, что 16-го, т.е. черезъ десять дней, я покину лагерь и, пробывъ въ Москвѣ не больше двухъ дней, помчусь на Кавказъ.

Владикавказъ; Военно-Грузинская дорога на автомобилѣ; Тифлисъ, въ немъ эта глупая, послѣдняя, пустая ночь, почти рядомъ съ Тобою; на слѣдующее утро Боржомъ — въ Боржомѣ Ты. Потомъ съ Тобою на маленькомъ поѣздѣ въ горы, къ намъ, въ Цеми, въ Твою комнату, въ послѣднія глубины жизни и души, въ нѣдра Твоихъ глазъ и Твоихъ объятій! Господи, какъ жду я этаго святого часа... Пробудемъ мы съ Тобою на Кавказѣ, думается мнѣ, мѣсяца два.

А потомъ, не задерживаясь въ Москвѣ, проѣдемъ прямо къ отцу, на Оку. Онъ намъ не будетъ мѣшать: онъ чудесный чудакъ, а мы привеземъ ему въ домъ нашу чудесную любовь, и мы прекрасно поймемъ другъ друга.

Въ двухсвѣтномъ залѣ нашего дома будутъ ночи, какихъ Ты нигдѣ не видала — совершенно фантастическія. Луннаго свѣта столько, что кажется онъ льется не съ неба, а прямо изъ баллады Бюргера или Жуковскаго. Главное: — нѣтъ того чувства, что ночь за окномъ, а ты въ домѣ. Сидишь рядомъ у камина—кажется, что стереоскопически четкія, старыя, приземистыя, вѣтвистыя яблони, похожія подь снѣгомъ на какіе-то гигантскіе голубые кораллы, стоятъ не за окномъ, а въ комнатѣ. Подыми только руку — и онѣ осыпятся тебѣ прямо на голову...

Послѣ зимы наступитъ весна. Это Тебѣ, впрочемъ, извѣстно. Но что Тебѣ совершенно не извѣстно, это то, до чего Ты будешь прекрасна на маленькомъ нашемъ, часамъ къ 10-ти утра уже совершенно тѣнистомъ балконѣ, въ свѣтломъ платьѣ, среди бѣлой сирени, съ тою утренней росною прохладой въ тѣлѣ и въ ясныхъ, спокойныхъ, дѣтскихъ Твоихъ глазахъ, что впервые такъ плѣнила меня въ то майское утро въ Луневѣ, когда въ голубой своей шали Ты подошла ко мнѣ у калитки Вашего сада...

Но знаешь, Наташа, какъ бы Ты ни была хороша весною и лѣтомъ, въ первые настоящіе, глубоко-осенніе дни (окна уже вставлены и замазаны, печки топятся выдержанными зимними дровами, въ передней пахнетъ нафталиномъ, и Ефимъ съ почты въѣзжаетъ во дворъ въ кожанѣ, на забрызганной грязью лошади съ коротко подвязаннымъ хвостомъ)—въ первые осенніе дни Ты снова похорошѣешь, такъ какъ снова станешь совсѣмъ иной: изъ лѣтней превратишься въ осеннюю; Ты поблѣднѣешь, потому что съ лица и рукъ совсѣмъ сойдетъ загаръ, выростешь и станешь стройнѣе, потому что осеннія платья темнѣе, а зимніе каблуки хотя бы на одинъ сантиметръ выше лѣтнихъ.

Оттого что осенью Ты будешь больше и сосредоточеннѣе играть, чѣмъ играла лѣтомъ—пѣвучѣе станутъ твои движенія и глаза; оттого что осенью чаще будешь читать Пушкина,

(развѣ не ясно, что Гоголя надо читать лѣтомъ, а Пушкина осенью), станешь ясною, сосредоточенною и мудрою, какъ хрустально прозрачный Пушкинскій октябрь...

Всѣ эти перемѣны произойдутъ не только въ Тебѣ для меня, но и во мнѣ для Тебя. Оттого, что станемъ мы осенью другъ другу иными и новыми, иною и новою станетъ и наша любовь. А обновленіе любви насъ крѣпче привяжетъ другъ къ другу.

Господи, до чего Таня какъ-то смѣялась, когда я пытался ей доказать, что въ моемъ представленіи я по осени, снявъ пальто и надѣвъ шубу, хорошѣю ровно настолько, насколько весною, снявъ шубу и надѣвъ пальто, хотя бы шуба и была очень хорошая, а пальто совсѣмъ дрянное.

Сейчасъ я безконечно счастливъ, радость моя: всѣ мои, Тобою покоренные демоны, не то отлетѣли отъ души, не то такими безпомощными калачиками свернулись гдѣ-то на днѣ ея, что мнѣ ихъ не видно и не слышно, легко надъ ними шутить и совершенно невозможно серьезно съ ними считаться.

Но все же скажи, развѣ въ моемъ наблюденіи надъ каждымъ извѣстною радостью переоблаченія въ октябрѣ и апрѣлѣ совсѣмъ не страшна эта вѣчная тоска человѣка по вѣчно новому и иному въ себѣ? И развѣ совсѣмъ не страшна моя предвкушаемая страсть къ Твоему зимнему, лѣтнему и снова осеннему образу? Развѣ все это не значить, что даже самая вѣрная любовь живетъ измѣной, хотя бы только измѣной себѣ самому съ самимъ собою, другъ другу съ другъ другомъ, своей весенней любви со своею осеннею влюбленностью?

Всего этого я сейчасъ не чувствую, но въ головѣ эти мысли все же вертятся. Моя голова — самый постылый мой демонъ, самый живучій мой врагъ. Хорошо жить людямъ съ холодными, умными головами, съ регуляторами сердца на плечахъ.

У меня не такъ. У меня всё страсти и все безуміе въ головѣ. У меня, можно сказать, очень сердечная голова.

Ну, родная, кончаю. 4 часа утра, играетъ пастухъ, выгоняють стадо... Надо ложиться. Цѣлую Тебя, мою милую, быть можетъ только что тихо заснувшую на своей тахтѣ подь открытымъ окномъ. Цѣлую руки Твои.

Твой Николай.

Сельцы, 8-го августа 1911 г.

Милая, родная, бѣдная Ты моя Наташа. Вчера отослалъ Тебѣ письмо; въ немъ съ такимъ крѣпкимъ чувствомъ нашего счастья, такъ безответственно весело развивалъ Тебѣ мою теорію объ измѣнѣ внутри вѣрности, объ измѣнѣ Тебѣ съ Тобою, писалъ всякую ерунду о Любови Ивановнѣ, а сегодня получилъ Твое, такое совсѣмъ иное по своему настроенію, такое какое-то надъ чѣмъ-то остановившееся, такое грустное письмо.

Очень, очень мнѣ жаль и больно и досадно, что нельзя вернуть вчерашняго болтливаго письма, что нельзя послать вмѣсто него другое, и главное что я такъ не понялъ и не учелъ того, какъ должны были лечь на Твою душу всё мои послѣднія письма; главное, конечно, — Алеша.

Наташа, милая Ты моя, право же, Ты напрасно такъ печалишься тѣмъ, что Алеша повернулся ко мнѣ не только глубокою скорбью, но и темною злобой и что наши отношенія поняли въ такой безысходный тупикъ. Я много думалъ всё эти дни надъ этимъ его поворотомъ и, кажется, понялъ, что иначе Алешѣ нельзя было ко мнѣ вернуться. Нельзя не только въ смыслѣ простой психологической естественности, но и глубже: — въ смыслѣ оздоровленія всей его внутренней жизни. Понять, что Твой уходъ отъ него не зло, но истина, что

во всем случившемся никто не виноватъ — это ему сейчас не подь силу. Но если уже быть комунибудь виноватымъ, то кому же, какъ не мнѣ? Не ему же? Прійти къ заключенію, что самъ взорвалъ свою жизнь, этого сердцу не вынести.

И не Тебѣ же? Въ спасеніи правды и красоты Твоего образа весь смыслъ и пафосъ его теперешней борьбы. Вѣдь Ты и уйдя отъ него осталась всей его жизнью. Выходъ только одинъ — взвалить всю вину на меня. Превратить меня въ мелкаго обольстителя, умѣло обошедшаго всѣми правдами и неправдами Твою невинную душу. Такое пониманіе, быть можетъ, единственное, которое, разрушая Алешино будущее, не разрушаетъ тѣмъ самымъ его прошлаго, обрубая вѣтви его жизни, не перерубаетъ ея корней.

Съ такимъ Алешинымъ отношеніемъ ко мнѣ я внутренне уже примирился родная. Прежняго это мое примиреніе, конечно не возстановить, но мнѣ отъ него все таки легче; пусть же будетъ легче и Тебѣ. Если озлобленнымъ искаженіемъ моего поведенія и образа дѣйствій Алеша спасетъ сейчас свою жизнь, то не намъ же съ Тобою ему доказывать, что онъ ошибается. Пусть ошибается. Когда ошибка эта перестанетъ быть ему жизненно необходимой, онъ самъ первый откажется отъ нея. Конечно, лежать мостомъ подь ногами у человѣка — дѣло не легкое, даже и сознавая, что переносишь его черезъ бездну. Отсюда и вся моя «закидка» въ послѣднемъ письмѣ объ Алешѣ. Но сейчас у меня уже отлегло отъ сердца. Не печалься же слишкомъ и Ты. Тебѣ легче понять Алешу, чѣмъ мнѣ, хотя бы уже потому, что для Тебя ревность не только понятное, но и священное чувство, а вѣдь въ концѣ концовъ ея одной достаточно, чтобы принять нашъ разрывъ.

Но знаешь ли что, радость моя, слышится мнѣ, что печаль Твоего письма не только о томъ, что я писалъ Тебѣ объ Алешѣ, но и о чемъ-то иномъ. Дай Богъ, чтобы это было не такъ, но

я увѣренъ, что Тебя смутило извѣстiе о приѣздѣ Марины и содержанiе ея письма.

Своимъ смушенiемъ Ты ставишь мнѣ очень большiе вопросы. Будемъ же до конца откровенны другъ съ другомъ.

По приѣздѣ въ Москву изъ Европы, я былъ такъ ошеломленъ Твоимъ явленiемъ мнѣ, и жизнь наша сразу же окрылилась такимъ бѣшенымъ темпомъ, что не было у насъ времени разсматривать налетѣвшую на насъ бурю и уговариваться другъ съ другомъ о томъ, чего ждать намъ отъ нея и чего въ ней страшиться.

Только разъ, въ самомъ началѣ, еще до первой зарницы въ Твоихъ глазахъ, до первыхъ глухихъ раскатовъ въ моей крови, вдругъ завертѣвшихъ для насъ весь мiръ вокругъ перваго поцѣлуя, говорили мы съ Тобою о сущности любви и почему ея сущность трагична. Было это въ связи съ моимъ рассказомъ о Вильнѣ, о Маринѣ и съ моею попыткой дать Тебѣ почувствовать то, что я знаю въ себѣ, какъ ядъ и мелодизмъ безлюбаго любовнаго соблазна. «Мы говорили», впрочемъ неточно, говорилъ я одинъ, Ты же только очень внимательно слушала, но ничего не оспаривала, и ни на что не отвѣчала. Тогда я надъ этою, мнѣ очень привычною, безотвѣтностью не остановилъ ни своего раздумья, ни даже своего вниманiя. Но вчера, когда читалъ и перечитывалъ Твое письмо, такое сосредоточенное и въ своей неожиданной грусти такое самостоятельное, я понялъ, что не отвѣчала Ты мнѣ не потому, что была со мною согласна и не потому, что несогласiе Твое не имѣло отвѣта. Нѣтъ, отвѣтъ у Тебя былъ, отвѣтъ у Тебя есть и отвѣтъ настолько опредѣленный, что, знаю, мнѣ не легко будетъ не то чтобы его сломить, этого не хочу я, милая, но хотя бы только сочетать съ тѣмъ, какъ для меня совершенно неизбежно и жить, и чувствовать, и думать и двигаться въ любви.

Черезъ двѣ недѣли въ любимомъ моемъ «Цеми» мы съ Тобою обо всемъ этомъ говорить не будемъ. Черезъ двѣ недѣли въ глиняномъ домикѣ Твоего стрѣлочника-осетина расцвѣтеть рай, самый настоящій, съ первозданнымъ небомъ надъ первозданною землею; рай, по которому мы будемъ бродить, еще чувствуя на тѣлѣ теплое прикосновеніе только что создавшихъ насъ Божьихъ перстовъ, въ которомъ всѣ образы міра будутъ склонять передъ нами свои головы, ожидая отъ насъ своего нареченія именемъ нашей любви. Но если такъ будетъ, потому что такъ уже было и такъ есть, то откуда же грусть Твоего письма и откуда и о чемъ нѣмой вопросъ этой грусти?

Отъ ревности онъ, Наташа, и о ревности онъ, и спрашиваетъ онъ меня о томъ — встрѣтится ли намъ въ нашемъ раю среди цвѣтовъ, дерево подъ райскими звѣздами также и женщина и наречемъ ли мы и ее именемъ нашей любви.

Большая надежда моей усталости и моей жажды счастья — что не увидимъ; но эта надежда вся на Тебя и на чудо. Въ томъ же, какъ мнѣ до сихъ поръ дано было жить въ любви, любить любовь и постигать ее, такая встрѣча для насъ почти неизбежна.

Мнѣ не легко писать Тебѣ объ этомъ. Наташа, я чувствую, какъ жестока моя искренность, но не отречься же мнѣ отъ нея во имя жалости! Въ любви искренность всегда выше жалости: — искренность только убиваетъ, жалость лжетъ. Для меня нѣтъ потому выбора. О, во сколько же разъ благороднѣе убить любовью свою и чужую жизнь, чѣмъ допустить чтобы жизнь, этотъ тайный шулеръ, обыграла любовь!

А потому, родная, прими мою исповѣдь. Не знаю, почему, вѣроятно потому, что у cadaго изъ насъ одна мать и одна смерть, но единство явно является высшимъ требованіемъ нашего духа, гдѣ бы онъ ни дышалъ. Духъ требуетъ единства, но міръ противостоитъ духу и возстаетъ на него неисчислимымъ многообразіемъ своихъ обликовъ.

Въ этой противоположности причина того, почему чело-вѣческое познаніе—вѣчная борьба между духомъ и міромъ, единствомъ и множественностью, цѣльностью души и ея бо-гатствомъ, почему челоуѣческое творчество всюду и всегда трагедія и раздвоеніе.

На своихъ вершинахъ любовь и творчество и познаніе, Наташа. И ея трагедія все та же исконная трагедія всякаго челоуѣческаго гнозиса.

Ты для меня сейчасъ не только «все» въ мірѣ, Ты для меня *весь* міръ. Только въ Тебѣ я цѣлостенъ и только въ Тебѣ міръ для меня единъ. Только въ Тебѣ я познаю себя и только въ себѣ, Тобою созданномъ — міръ. Иначе я *сейчасъ* не могу. Но въ томъ, что не могу иначе, не только моя правда передъ любовью, но и неправда моей любви передъ міромъ. Ибо для меня — весь міръ, Ты для міра все же лишь часть его.

Любить весь міръ только въ Тебѣ значитъ противъ многа-го возставать и отъ многаго отрекаться, какъ въ мірѣ, такъ и въ себѣ.

Во всякой любви неизбѣженъ потому часъ, въ который ею отверженный міръ начнетъ возставать на нее.

Сначала мнѣ будетъ мало любви: Тобою во мнѣ отвергну-тый міръ начнетъ возставать на Тебя мужскою моею жаждою творчества и мужскою моею жаждою одиночества. Но этими силами никогда ему съ моею любовью къ Тебѣ, конечно, не справиться. Все высланное противъ Твоей любви Ты, съ ге-ніальностью свойственной только женщинѣ, будешь превра-щать въ высокій куполь надъ нашей любовью: въ ея славу и ея откликъ. Тогда Тобою отвергнутый во мнѣ міръ возста-нетъ на Тебя своею новою силою: не жаждою творчества и одиночества, но жаждою другой женщины; и покажется мнѣ, что мнѣ мало не только любви, но въ любви мало Тебя. Та-кой поворотъ неизбѣженъ, это роковой моментъ во всякой люб-ви!

Уже сейчасъ думать и писать обо всемъ этомъ не только жестоко, но и безуміе, сплошное, послѣднее... Но такъ

именно и надо, Наташа. Если что может спасти любовь от смерти, то только безуміе. Но не буреносное безуміе страстей, его одного мало, но систематическое безуміе всей жизни въ любви, всѣхъ чувствъ и мыслей о ней.

Безумныя же мои чувства и мысли о любви тѣ, что побѣда надъ тою женщиной, въ образѣ которой возстанеть на Тебя Тобою отверженный міръ, возможна только на тѣхъ же путяхъ, на которыхъ, я знаю, Ты будешь побѣдоносно бороться противъ искушенія меня соблазнами одинокаго творчества...

Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, безуміе не превращается въ лукавство, и клянусь, не право измѣны выговариваю я себѣ!

Послѣ Марининаго письма о Танѣ у меня часто сжимается сердце при мысли о прошломъ... Быть можетъ Таня, защищая меня, не совсѣмъ меня понимала, другой она все же была человѣкъ. Боюсь, что временами бывало ей очень тяжело и одиноко со мною.

Но Ты, Наташа, вѣрится мнѣ, Ты все поймешь, поймешь и то главное, что ту невѣдомую, вторую, которая уже сейчасъ тревожитъ Твою ревность, Ты должна будешь какъ-то принять въ нашу жизнь, принять потому, что войдетъ она къ намъ порожденіемъ Твоего же грѣха передъ жизнью, неприкаянную душою отвергнутаго Тобою во мнѣ міра, Твоимъ прозрачнымъ двойникомъ, Твоей собственной тѣнью. И въ томъ, что это будетъ такъ, скажется не случайный недостатокъ нашей любви, но верховный законъ всякой человѣческой страсти, ибо одинъ только Богъ, Наташа, можетъ такъ стоять въ свѣтѣ любви, чтобы не бросать на міръ своей тѣни. Нѣтъ, не въ борьбѣ противъ своей собственной тѣни, не въ борьбѣ противъ совершенно неизбѣжной въ каждомъ мужскомъ сердцѣ тоски и мечты по ней великая задача женскаго строительства, но лишь въ борьбѣ за власть надъ этой мужской тоской, мужскою мечтою, мужскою жаждою иной любви. Въ предстоящей, быть можетъ, Тебѣ борьбѣ за Твою власть надъ моею мечтою, я буду Тебѣ, Наташа, вѣрнымъ и умѣлымъ помощникомъ. Буду, милая, потому, что давно уже знаю —

моей любви, какъ и всему моему мужскому творчеству и постиженію, никогда не уйти изъ подъ знака трагическаго раздвоенія. Какъ міръ, въ которомъ мы любимъ — и предвѣчное единство и безконечная множественность, такъ и наша любовь — и велѣніе всю жизнь любить одну женщину — и соблазнъ каждое мгновеніе жизни стремить навстрѣчу каждой и всѣмъ.

Вѣдь Ты же меня понимаешь, Наташа, понимаешь, что не о томъ спрашиваю я, какъ человѣку одновременно любить двухъ женщинъ. Такое раздвоеніе далеко не всегда трагедія. Тамъ же, гдѣ оно дѣйствительно трагично, оно трагично совсѣмъ не какъ раздвоеніе между женщинами, оспаривающими во мнѣ одно и то же чувство, но прежде всего какъ раздвоеніе между двумя чувствами, оспаривающими мое единственное сердце.

Иногда внезапный порывъ страсти къ давно любимой женщинѣ, вдругъ похорошѣвшей въ новомъ нарядѣ подъ чьимъ нибудь чужимъ взоромъ, можетъ быть гораздо болѣе злостной измѣной, гораздо болѣе острой тоской по обновленію въ любви, чѣмъ иной длительный, сложный, но внутренне чуждый мелодіи измѣны романъ съ ея случайной соперницей. Я хочу сказать, Наташа, что трагедія любви не во всякомъ раздвоеніи между двумя женщинами, но лишь въ существенномъ раздвоеніи между тѣми двумя, изъ которыхъ въ одной мы любимъ единственную, а въ другой — единство всѣхъ.

Какъ же соединить эти двѣ любви? Какъ ихъ борьбою другъ противъ друга не взорвать единства своей жизни? На этотъ вопросъ, Наташа, въ нѣсколькихъ словахъ не отвѣтишь, Тутъ у меня въ душѣ цѣлый міръ, который я страстно люблю, мечтою о воплощеніи котораго только и живу, съ которымъ ни за что не разстанусь, или развѣ только въ послѣднюю минуту, разбивъ о него свою жизнь!

Главная мысль надъ этимъ моимъ міромъ та, что двѣ любви къ двумъ женщинамъ должны быть построены на какихъ-то совершенно различныхъ душевныхъ пластахъ.

Любовь къ Тебѣ, Наташа, должна быть верховною реальностью моей жизни, моимъ прочнымъ домомъ: подъ нимъ святая земля, надъ нимъ святое небо моей души. Въ немъ я останусь и по выносѣ тѣла моего изъ дому, — это навѣкъ.

Любовь же къ той, другой, не смѣть становится реальностью. Ея правда — провалъ сквозь реальность, тоска, мечта, пустота, бредовые, весенніе шопоты вокругъ дома, мертвые остекленѣлые глаза лунныхъ ночей за окномъ, холодные пустынные желтые по осени закаты, вьюжный плачь и вой въ трубѣ и душѣ, жуткое ощущеніе привидѣнія въ домѣ и тревожное ожиданіе, нѣтъ ли кого на крыльцѣ...

Чувство дали неотдѣлимо отъ чувства дома. Домъ, не спасающій меня отъ навожденія дали, домъ, который мнѣ не щить и не крестъ, мнѣ внутренне и не домъ, не очагъ, не святыня. Потому мечта окончательно изгнать изъ своего дома вѣяніе дали, уже неизбежно и борьба противъ самого дома, обреченіе себя на скитанье. Тѣмъ, что мы покинемъ старый нашъ домъ и построимся заново на далекомъ холмѣ, облюбованномъ изъ его же оконъ, мы скорбнаго чувства дали въ себѣ не уберемъ. Новыя дали въ новыя окна неизбежно возстанутъ и на новый нашъ домъ. Противъ навожденія дали надо бороться виномъ и каминомъ, но не пустою мечтою пригвоздить къ землѣ горизонтъ.

Все это значить, Наташа, что въ часъ, когда на крыльцѣ нашего дома появится женщина, съ глазами потемнѣвшими отъ усталости, съ запахомъ полыни на пальцахъ, которую ея руки нервно срывали въ горькихъ поляхъ, которыми шла она къ намъ, я сразу же узнаю въ ней посланницу дали. На крыльцо къ ней съ трепетнымъ сердцемъ выйду, но двери въ свой домъ передъ ней не распахну. Тревогу своихъ глазъ и печаль своего сердца ей отдамъ, но жизни своей ей не выдамъ, чтобы счастливой дѣйствительности не убить мечтой, а блаженства горькой мечты — воплощеніемъ.

Но я боюсь, милая, нѣжная, бѣдная Ты моя Наташа, что скажешь Ты мнѣ на это то же, что не разъ говорила Та-

ня, скажешь, что не сможешь быть счастливой, хотя бы только съ тѣнью своей соперницы на крыльцѣ. Тутъ я долженъ буду страстно съ Тобою бороться, Наташа.

Счастье нашихъ будущихъ дней, лѣтъ, не можетъ быть счастьемъ морского песка подъ полуденнымъ солнцемъ. Человѣческимъ душамъ мало лежать и грѣться въ любви. Имъ надо въ ней бороться, страдать и творить, иначе она въ нихъ неизбежно погаснетъ.

Изо дня въ день торжествовать надъ раздвоеніемъ моей души — изо дня въ день спасать ее отъ многоокаго соблазна міра, — тихимъ, роднымъ и свѣтлымъ окномъ постоянно стоять между моими глазами и манящими ихъ далями, не только разъединяя, но и связывая ихъ, — въ тайной борьбѣ постоянно торжествовать надъ своею собственною грѣшною тѣнью, моею горькою странницей, но, конечно, не до той полной побѣды, что могла бы убить всякое движеніе въ нашей любви и заставить ее свернуть свои паруса на мертвой мели — вотъ въ чемъ, Наташа, предвѣчная задача всякой цѣлостной, благодатной и мудрой любящей женщины, всякой жены, достойной этого священнаго имени!

Къ Тебѣ, женѣ моей, моя мольба: прими меня въ Твою жизнь такимъ, каковъ я есть. Клянусь Тебѣ, всю свою волю направлю на то, чтобы своей тоски по отверженному Тобою въ моему сердцѣ міру никогда не встрѣтить въ образѣ женщины. Но если моя судьба возстанетъ на мою волю, и выйдя на тревожный стукъ подъ окномъ, Ты вдругъ увидишь на нашемъ крыльцѣ печальную, женскую тѣнь, не отвернись отъ нея, родная, вспомни все, что пишу я Тебѣ нынѣ, хотя и не отъ сердца моего, но все же отъ знанія о своемъ сердцѣ, угадай въ постучавшейся ту, о которой въ годы величайшаго счастья я не разъ подолгу простаивалъ съ Тобою у вечеряющихъ нашихъ оконъ, о которой не разъ съ такимъ любимымъ Тобою волненіемъ читалъ тебѣ Блока, о которой по вечерамъ такъ часто слушалъ бывало Твой Карнаваль Шумана, изумительнымъ исполненіемъ котораго мнѣ одному, Ты еще

невѣстой измѣнила Алешѣ, и протяни ей навстрѣчу Твои вепонимающія руки. Это единственный жестъ, достойный жены.

Моя жена — Ты всегда останешься Божіей жницею на моихъ поляхъ; какими бы всходами ни заколосилась моя жизнь — въ душѣ всегда будетъ тоска по Твоему серпу и вѣра, что все, что зрѣть во мнѣ, зрѣть только затѣмъ, чтобы умереть въ Твоихъ объятіяхъ, на лезвіи Твоей любви.

Наташа, вѣдь Ты же слышишь, что все это не слова. Вѣдь Ты же понимаешь, что если все звучитъ одними словами, то лишь потому, что я пытаюсь говорить о почти несказуемомъ. Развѣ можно дѣйствительно понять, что значить моя «посланица далей», что значить отдать ей трепеть своего сердца, не выдавая сердца своей жизни? Согласенъ, что почти невозможно. Согласенъ, что все можетъ звучать почти бредомъ, и все же надѣюсь, что отравивъ Тебя имъ я спасу нашу любовь какъ отъ окостенѣнія, такъ и отъ взрыва.

Для торжества любви — одной любви мало, Наташа! Мало совершенно такъ же, какъ мало одного вдохновенья для творчества. Любовь — прежде всего искусство. И какъ всякое искусство, требуетъ (въ наше время въ особенности), кромѣ вдохновенья, еще и умнаго расчета и умѣлаго мастерства. Это не цинизмъ, дорогая, это только до конца серьезное отношеніе къ жизни и страстное отрицаніе въ подходѣ къ ней того диллетантизма, на которомъ она обыкновенно строится.

Не зная разницы между женщиной-женой и женщиной-маской, женщиной лицомъ и женщиной-атмосферой: не зная, что цѣлостная мужская любовь всегда любовь къ объимъ, и не владѣя искусствомъ ихъ внутренняго примиренія съ обязательнымъ подчиненіемъ всего атмосферическаго исповѣданію единого лица, человѣку нашей эпохи никогда не разрѣшить величайшаго вопроса жизни, вопроса любви.

Я отсылаю Тебѣ это письмо, Наташа, съ твердою вѣрою въ то, что мы съ Тобою его разрѣшимъ. Мы пришли къ нашей

любви черезъ Танину смерть и Алешино страданіе. Безмѣрность нашей любви не только мѣра нашего счастья, но и мѣра страданья самыхъ намъ дорогихъ людей. Болѣе страшно и крѣпко наша любовь не могла быть завязана. Неужели же возможно, чтобы этой нашей духовной твердыни мы не могли уберечь отъ соблазна многоликаго міра?

Сможемъ, Наташа, сможемъ, въ это я свято вѣрю. Не надо только думать и ждать, что въ человѣческомъ мірѣ, гдѣ все борьба, воля и трудъ, одна любовь должна почему то глупенькою незабудкой бездумно расти у счастливо журчащаго ручейка. Думать такъ — значить съ самаго начала обречь свою любовь гибели.

Прими же потому, моя Наташа, это мое сверхъ всякой мѣры сознательное, но за то и сверхъ всякой мѣры искреннее письмо, какъ вѣрный залогъ нашего во вѣки вѣковъ нерасторжимаго брака.

Всею своею душой и всѣми своими помыслами живу я въ Тебѣ, моя единая и святая любовь. Все, о чемъ сегодня писалъ Тебѣ, писалъ только въ заботѣ о правдѣ и счастьѣ нашей будущей жизни.

Весь Твой Николай.

Сельцы, 13-го августа 1911 г.

Если бы Ты знала, Наташа, какъ у меня сейчасъ странно и сложно на душѣ. Все еще не могу повѣрить, что вчерашній день, кончившійся для меня только сегодня послѣ обѣда, дѣйствительно былъ, а не пригрезился мнѣ. Ужъ очень все случилось совсѣмъ, совсѣмъ неожиданно. Смогу ли вотъ только написать Тебѣ обо всемъ такъ, чтобы Ты все дѣйствительно увидѣла и поняла.

Усталъ я, милая, всю ночь не спалъ. Болитъ голова. Идетъ сильный дождь, писать на крыльцѣ нельзя, а въ избѣ очень душно, несмотря на восьмой часъ вечера.

Увѣренъ, что сколько бы Ты ни гадала, Ты никогда бы не догадалась, что вчера — во первыхъ -- я видѣлся съ Ма-

риной, которая, прїѣхавъ въ Москву только въ субботу вечеромъ и не имѣя возможности вызвать меня, какъ я ей писалъ, на воскресенье, рѣшила сама прїѣхать къ намъ въ Клеменьтьево повидаться со мной и съ Алешей, котораго всегда очень любила, а во вторыхъ и съ нимъ самимъ! Я съ нимъ говорилъ немного, но онъ очень много говорилъ съ Мариной!

Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ. Самая атмосфера обѣихъ встрѣчъ настолько необыкновенна, что я думаю, мнѣ Тебѣ ничего не рассказать, если не заставить себя рассказывать все съ самаго Адама, какъ говаривала бабушка.

Начало вчерашняго дня не предвѣщало никакой фантастики и «психологіи».

Вставъ поздно, я вышелъ на крыльцо въ самомъ ясномъ, самомъ дѣтскомъ настроеніи. Пахло мокрымъ березовымъ листомъ. Въ Клеменьтьевѣ только что отошла обѣдня, мимо шель народъ изъ церкви. Степенные, темные мужики, цвѣтистыя, говорливыя бабы, бѣлоголовые ребята...

Напившись чаю изъ лихого двухведернаго Катерининаго самовара съ мятою камфоркою набекрень, я часа два съ наслажденіемъ шатался по деревнѣ.

И г.г. офицеры и солдаты заботливо готовились къ скачкамъ: вездѣ чистились сапоги, кое-гдѣ досушивались гимнастерки, офицерскія лошади стояли по дворамъ вычищенные и расчесанныя, какъ на парадѣ. Въ низкихъ окнахъ, подъ тяжелыми образами важно виднѣлись намасленныя мужицкія головы, коричневыя, сучковатыя руки и блюда въ бородахъ.

Всюду и во всемъ, какъ медъ въ сотахъ, празднично стояла крѣпкая, густая, настоящая, бытійственная жизнь. И такую же стояла въ душѣ и наша любовь, родная. Все утро мнѣ такъ правильно и хорошо думалось о Тебѣ. Наша жизнь представлялась такою прочною, домовитою, съ далью въ открытомъ окнѣ, но съ заросшимъ крыльцомъ, съ самоваромъ, съ простотою, съ молчаньемъ, со всѣмъ тѣмъ, что въ концѣ концовъ только, быть можетъ, и нужно всякому подлинному, настоящему человѣку.

Въ такомъ же прочномъ, простомъ и значительномъ, если хочешь, въ такомъ же метафизически бытовомъ настроеніи выѣхалъ я послѣ обѣда на скачки.

Синее небо, среди веселаго, молодого березняка зеленая луговина — по яркой зелени бѣлыя солдатскія гимнастерки — въ ложахъ бѣлые офицерскіе кителя и свѣтлыя дамскія платья. Всюду трехцвѣтные флаги, на высокой эстрадѣ зычно горящая на солнцѣ трубная мѣдь, бравурные марши, «зазывные вальсы», тревожные звонки, восторженныя рукоплесканыя, чувство единого, въ тебѣ и въ твоей лошади, сердца и чувство злого веселья, борьбы — ахъ, какъ все это было вчера радостно и звонко, Наташа.

Моя «Ракета» вполне постояла за себя. Мы съ нею взяли два приза. Можешь себѣ представить, въ какомъ прекрасномъ настроеніи, весь пульсируя безоговорочнымъ, кровеноснымъ счастьемъ, возвращался я вмѣстѣ со всѣми офицерами нашего дивизиона со скачекъ.

И вдругъ уже при въѣздѣ въ Сельцы надъ самымъ моимъ ухомъ громовая команда извѣстнаго шутника и волокиты, капитана Головина: «г.г. офицеры... Смирно... глаза влѣ... во...» Покорно скосивъ глаза, я увидѣлъ недалеко отъ Катерининой избы, на тропинкѣ къ Агафонихѣ офицера и рядомъ съ нимъ женщину. Завидя нашу группу, Алеша поспѣшилъ проститься съ Мариной. Марина же медленно двинулась къ моему палисаднику. Входя черезъ минуту вслѣдъ за ней въ комнату, я услышалъ себѣ въ догонку ехидный возгласъ Головина: «это, братъ, не по товарищески... Смотри, приводи хоть вечеромъ!»

Не безъ волненія вбѣжалъ я къ себѣ, Наташа. Въ желтомъ вечерѣющемъ окнѣ, съ низко опущенной головой, съ затемненнымъ лицомъ, какъ то очень никло, очень странно и неожиданно сидѣла на подоконникѣ Марина.

На мос, въ инерціи веселаго дня, веселое, громкое и, конечно же, радостное привѣтствіе, она подняла лицо — котораго мнѣ никогда не забыть — такимъ измученнымъ я его

еще никогда не видѣлъ, хотя и видѣлъ Марину всегда около смерти.

Я протянулъ ей руку — ея рука, холодная и безсильная, послушно легла въ мою, но пожать ее, не пожалала. На губахъ было какое-то слово, но до меня оно не дошло.

Нѣтъ, Наташа, такой встрѣчи я не ждалъ, не могъ ждать, и мнѣ совершенно непонятно, почему она должна была случиться такою!

Послѣ неожиданной этой встрѣчи, совсѣмъ тоже неожиданный, короткій, но въ подводныхъ своихъ глубинахъ, существенный разговоръ.

Началь я его самъ, спросивъ Марину, очень ли она удивлена всему, что услышала отъ Алексѣя, совсѣмъ ли ничего не ждала?

«Удивлена — нѣтъ... Уже въ Вильнѣ почувствовала я въ Васъ что-то новое, что-то вытѣсняющее Танинаго Николая. Когда Вы показывали послѣднія Танины карточки, мнѣ было очень больно; казалось, что Вы ихъ недостойны, что Таня ближе мнѣ, чѣмъ Вамъ, что Вы слишкомъ *въ жизни*». Эти слова Марина произнесла какимъ-то до непонятности ровнымъ, безлѣтнымъ голосомъ. Каждое слово было исполнено предѣльнаго волненія, но ударенія не было ни надъ однимъ. И лицо у нея въ это время было такое же, какъ голосъ: въ немъ все дрожало и все же оно было мертво и неподвижно, какъ камень, какъ камень подъ рябью воды.

Лишь когда я отвѣтилъ, что ея чувство не обмануло ея, что я уже въ Вильнѣ внутренне хотѣлъ, чтобы все случилось именно такъ, какъ оно въ дѣйствительности и случилось, голова ея еще ниже опустилась на грудь, а изъ подъ рѣсницъ къ нервному рту быстро скользнула судорога. Повернувшись лицомъ въ садъ, Марина сорвала вѣтку березы и, желая скрыть дрожанье губъ, принялась зубами совлекать съ нея нѣжную коричневую кожицу.

Я стоялъ противъ нея; напряженно слѣдилъ, какъ горькая вѣтка березы все нѣжнѣе зеленѣла у ея горькихъ губъ

и остро чувствовалъ на своихъ какую то странную терпкую горечь. Мелодія послѣдняго свиданія въ Вильнѣ, ночныя, странныя Маринины слова о людяхъ, для которыхъ вся жизнь только смерть, звучали въ памяти такую родною тревогой, Марина сидѣла на подоконникѣ такую близкою и милою, что оставалось, казалось, произнести только одно, не все ли равно какое, слово, чтобы высказать всю свою нѣжность и печаль о ней.

Такъ казалось, Наташа, но случилось все какъ то совершенно иначе.

Когда я спросилъ Марину, дѣйствительно ли она думаетъ, что все, что было въ Вильнѣ, было только о Танѣ, — это прозвучало какимъ-то почти грубымъ упрекомъ, прозвучало такъ, какъ будто бы я оспаривалъ ея право вступаться за Таню.

Въ отвѣтъ на мой вопросъ я услышалъ очень печальныя, словно просящія за что-то прощеніе, безконечно ко мнѣ ласковыя Маринины слова: «Только, Николай Федоровичъ, не надо обиды, не надо, вѣдь я же, право, не съ поднятою головой передъ Вами сижу»...

На этомъ нашъ разговоръ оборвался. Было уже половина восьмого. Мнѣ было совершенно необходимо ѣхать въ Клеменьтьево. Спектакль, перешедшій въ послѣднее время всецѣло въ мое вѣдѣніе, долженъ былъ начаться не позднѣе половины девятого.

Мы сговорились съ Мариной, что она пойдетъ къ Алешѣ, а къ одиннадцати часамъ придетъ въ Клеменьтьевскій паркъ.

Какъ только моя телѣжка выѣхала за околицу и по бокамъ мягкой, пыльной дороги замелькали ржаныя стойки, такія же крѣпкія, ладныя и густоволосыя, какъ возвращавшійся изъ церкви народъ, мнѣ сразу стало какъ то по утреннему хорошо на душѣ. Съ вершины Твоей любви и Твоего Кавказа свѣтомъ и силою провѣяли въ душу широкіе, блаженные просторы. Только что такой сложный, исполненный тревоги образъ Марины затихъ и отступилъ въ даль. За то Алеша, о которомъ даже и не спросилъ ничего у Марины, какъ то не-

замѣтно приблизился, и не въ своемъ Агафонихинскомъ, а въ своемъ настоящемъ видѣ.

Если бы, Наташа, не эта моя способность внезапнаго возвращенія въ тотъ существенный центръ души, который одинъ только правильно освѣщаетъ ея дали, я бы, вѣроятно, уже давно взорвалъ свою единую душу своими тысячью душъ. Но эта способность во мнѣ предѣльно сильна и дѣйствуетъ съ гораздо большею увѣренностью, чѣмъ всѣ остальные инстинкты самосохраненія.

Можешь же себѣ представить, Наташа, до чего я долженъ былъ гнусно себя чувствовать, вернувшись въ свой подлинный, душевный центръ со всѣми его большими вопросами, по пути на глупый любительскій спектакль.

Когда я прѣхалъ въ Клеменьтьево, тамъ царилъ полная паника. За опозданіе на меня посыпались тысячи упрековъ. Любовь Ивановна нервничала и капризничала отчаянно — костюмъ ей не нравился, парикъ ее старилъ, а гримироваться она ждала меня, хотя изъ Москвы былъ выписанъ самъ Чугуновъ. Головинъ, уже вошедшій въ роль водевильнаго остряка и хватившій для храбрости нѣсколько рюмокъ, отпускалъ на мой счетъ совершенно непотребныя остроты, пресѣчь которыя не было никакой возможности. Какой-то молоденькій офицерикъ, играющій выходную роль, возмущенно протестовалъ противъ нарисованныхъ усовъ и требовалъ наклейки. Завѣдующій собраніемъ, круглый, красный поручикъ, Винченко, врывался каждую минуту за кулисы съ оновѣщеніемъ, что его превосходительство ждетъ и барышни тоже просятъ поскорѣе, чтобы осталось побольше времени для танцевъ. И всѣ эти нервы, вопросы и просьбы апеллировали почему то ко мнѣ; я же, во всемъ этомъ никакъ не заинтересованный, не имѣлъ даже возможности воскликнуть вмѣстѣ съ Агафѣей Тихоновной: «пошли вонъ, дураки», а долженъ былъ въ силу какой-то изначально мною допущенной ошибки гримировать Любовь Ивановну, успокаивать Винченко, выбѣгать къ нетерпѣливому превосходительству и взволнованнымъ барышнямъ. Все это я дѣлалъ, но дѣлая, себя проклиналъ

и не столько за то, что такъ несвоевременно «влипъ» въ глупую исторію Клементьевскаго спектакля, сколько за весь тотъ строй своей души, благодаря которому, въ концѣ концовъ, только и «влипъ». Вѣдь всякая мелочь нашей жизни, если внимательно присмотрѣться, всегда обусловлена какою-нибудь существенною нашей чертою. Оттого каждый человѣкъ и несетъ отвѣтственность не столько за то, что онъ дѣлаетъ, сколько за то, что онъ есть.

Какъ только спектакль кончился, я вышелъ въ паркъ отыскивать Марину. Вечеръ стоялъ тихій, теплый, но, не смотря на звѣздное небо, темный. Она сидѣла, какъ мы и сговорились, на небольшой, обсаженной акаціей площадкѣ, подъ висячимъ желтымъ фонаремъ. Узнавъ ее издали, я, подойдя ближе, на секунду почти усомнился: — она ли? Передо мной сидѣла совсѣмъ новая женщина, которой я никогда не видалъ.

На ней было блѣдно-зеленое платье; на лицѣ, вмѣстѣ съ тѣнью свисавшей надъ самой ея головою вѣтки акаціи — дрожала улыбка, а въ глазахъ, въ самой печальной ихъ глубинѣ, чему то своему смѣялись лучистыя искры. Она была очень интересна и было въ ней что-то японское...

Поздоровались мы очень просто, дружественно и сердечно. Новая Марина въ Марининомъ привѣтствіи никакъ не участвовала, — словно часъ ея былъ еще впереди. Подчиняясь такой ея волѣ, я ничѣмъ не выдалъ своего удивленія ея новому лику; разговоръ нашъ сразу же влился въ естественное для него русло простой, оживленной, вполне безпроблемной бесѣды.

Я предложилъ руку; мы пошли вглубь парка, сразу же заговоривъ объ Алексѣѣ, который, приведя Марину въ Клементьево, немедленно же ушелъ, сказавъ, что не останется, такъ какъ не желаетъ встрѣчаться со мною.

Все, что Марина говорила о немъ, было очень вѣрно и тонко; она вѣдь знаетъ его очень давно.

Но до чего же Марина другая женщина, чѣмъ Ты, Наташа, и до чего же она менѣе женщина, чѣмъ Ты. Главный догматъ

ея міросозерцанія тотъ же, что и мой. Душа каждого человѣка и для нея многодушіе. А жизнь — невозможность изжить свои души. Она долго доказывала Алешѣ, что онъ не обмануть, что обмана вообще нѣтъ, а всюду есть только «двойная душа». Но онъ этого, конечно, не принялъ; принять не хотѣлъ, скорѣе не могъ. Мнѣ очень понравилась Маринина мысль, что всѣ люди дѣлятся на такихъ, что изживаютъ души своего многодушія одну за другой, и на совершенно иныхъ, постоянно стремящихся къ полному аккорду своего многодушія. Первые, къ которымъ она причисляетъ и Алешу, живутъ постоянными катастрофами; всегда отъ чего-то отрекаются и къ чему-то стремятся; сжигаютъ свои корабли и чаютъ новыхъ парусовъ. Для нихъ предательство своего прошлаго — единственно возможная форма развитія. Если бы всѣ ихъ души внезапно сошлись вмѣстѣ, они почувствовали бы себя преступниками или окончательно сошедшими съ ума.

Можешь себѣ представить, родная, что Алеша теперь искренне увѣренъ, что онъ меня всегда видѣлъ «насквозь», всегда былъ врагомъ моего «иезуитизма» и моей «сложности». Съ невѣроятною горячностью развивалъ онъ Маринѣ новую и какъ всегда парадоксальную теорію о лживости всякаго чувства, не могушаго быть названнымъ однимъ простымъ словомъ. По его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы его жизнь могла быть рассказана исключительно глаголами и именами существительными. Всюду, гдѣ существительное требуетъ прилагательнаго, гдѣ ядро слова разлагается въ атмосферѣ междусловья, начинается нравственная ложь. Что я совершенно растлѣнная душа, можно, какъ онъ говорилъ Маринѣ, доказать анализомъ моего стиля: въ моихъ письмахъ (а какъ онъ ихъ любилъ, Наташа, чего только не писалъ мнѣ въ отвѣтъ на нихъ) встрѣчаются иногда до пяти прилагательныхъ при одномъ существительномъ. Для него одного этого нынѣ вполне достаточно. Въ связи со всѣми этими теоріями онъ ненавидитъ Достоевскаго за атмосферичность его порывистой и неотчетливой фразы. Достоевскій для него не подлинно русскій писатель; русскій худож-

никъ — Островскій. У него каждое слово во фразѣ, какъ рѣпа въ грядкѣ: вытянешь ее — и вся тутъ и сладкая, и горькая, съ ботвой и корешками...

Разсказывала Марина все это очень хорошо. Мнѣ такъ и слышались знакомыя Алешины словечки и ударенія. Въ концѣ концовъ ея разсказъ меня очень успокоилъ. Наташа, перерожденіе страданій въ теоріи — всегда признакъ душевнаго выздоровленія. Вѣдь жизнь была бы совершенно невыносима, если бы глубочайшія страданія нашей души не были бы одновременно и самыми интересными проблемами.

Тебя, по словамъ Марины, Алеша очень любитъ и ни въ чемъ не винить. Винить во всемъ только себя и никакъ не понимаетъ, какъ могъ не раскрыть Тебѣ глазъ на мою душевную холодность, праздность и «кичливую, гнилую нарядность, за которой, кромѣ смерти, никакой реальности нѣтъ». Это «кромѣ смерти» онъ повторилъ Маринѣ нѣсколько разъ. Означало ли это, что я несу смерть Твоему счастью и Твоей душѣ, или то, что я внутренне въ сущности давно уже мертвъ, я изъ Марининыхъ словъ не понялъ. Не поняла и она. Былъ же онъ вообще съ Мариной крайне оживленъ, остроуменъ, любезенъ, и гнѣвныя тучи на его лицѣ не разъ прорѣзала моя любимая, свѣтлая, дѣтская улыбка, совсѣмъ, совсѣмъ Танина.

О Тебѣ мы съ Мариной почти ничего не говорили — говорить о Тебѣ намъ что-то мѣшало. Все же я понялъ, что Марина Тобою очень интересовалась и что по разсказу Алеши у нея создалось о Тебѣ несовсѣмъ правильное представленіе. Очень Тебя любя, Алеша никогда не чувствовалъ Твоихъ настоящихъ размѣровъ; никогда не чувствовалъ въ Тебѣ власти, разума и восторга высокаго полуденнаго солнца, всегда принималъ Тебя за лирическую, свѣтлую бытовую идиллію.

Очень интересенъ былъ мнѣ, Наташа, Марининъ отвѣтъ на мой вопросъ, считаетъ ли она, что Алеша правъ въ своей характеристикѣ меня? Она отвѣтила, что во многомъ, что

онъ говорить, есть своя истина, но что въ цѣломъ онъ все же глубоко неправъ: не понимаетъ, какая безысходная мука жить съ такою душою, какъ моя, не чувствуетъ, что во имя этихъ мукъ мнѣ многое простится. Я очень изумился этому отвѣту, но она его не пояснила; сказала только, что моя мука еще «вся впереди». При этихъ словахъ лицо ея снова стало такимъ, какимъ было въ Сельцахъ, а плечо какъ то сиротливо вздрогнуло у моей руки. Я попытался было связать эти загадочныя ея слова съ напряженностью нашей встрѣчи, но, явно что-то преодолевая въ себѣ, Марина энергично отклонила эту попытку: «не будемте объ этомъ говорить — той моей души все равно со мною сейчасъ нѣту».

«Какъ нѣту, развѣ не всѣ Ваши души всегда съ Вами?» Она въ большой задумчивости отрицательно покачала головой. Но черезъ минуту, когда мы большою аллеей шли обратно къ собранію, какъ то странно — и грустно и задорно добавила: «вотъ, напримѣръ, въ Ваше Клеменътьево я взяла съ собою только двѣ души. Одною я сейчасъ шла рядомъ съ Вами: на эту мою душу Танинаго друга Вы можете всегда положить, что бы между нами въ будущемъ ни было; а вторая... а вторую Вы, кажется, замѣтили, не сразу узнавъ меня на скамейкѣ. Это... душа, которою я, въ сущности, никогда не жила, потому что мнѣ всегда такъ трудно жилось; сегодня, когда она издали услышала звуки оркестра, ей страшно захотѣлось танцевать. Иногда мнѣ кажется, что мнѣ не больше шестнадцати лѣтъ. «Я началъ было что-то отвѣчать Маринѣ на эту ея странную рѣчь, но она меня не слушала; такты вальса уже кружились у нея въ душѣ, въ ея печальныхъ глазахъ уже снова чему-то своему смѣялись веселыя искры, и она все быстрѣе увлекала меня къ свѣтлымъ, поющимъ, гремящимъ окнамъ собранія...

Вальсировала Марина прекрасно, но шестнадцатилѣтней дѣвочки въ ней не было и слѣда. Въ моихъ рукахъ неподвижно лежала и стремительно куда-то неслась женщина съ блѣднымъ и страстнымъ лбомъ, съ губами, пылающими горечью,

съ глазами, то набѣгавшими на меня темными волнами, то исчезающими за горизонтомъ... подъ вѣками.

Мы танцовали уже долго, и голова начинала пріятно кружиться, придавая всѣмъ движеніямъ высшую легкость и увѣренность, когда въ дверяхъ на террасу я увидѣлъ Алешу. Багровое лицо его было черно, какъ туча, глаза горѣли зеленымъ, почти звѣринымъ огнемъ... Невольно замедляя темпъ, я наклонился къ Маринѣ сказать, что Алексѣй здѣсь и что лучше перестать танцовать, потому что онъ очень взволнованъ; но, уточняя свои «разъ» дирижирующимъ колыханіемъ откинутыхъ плечъ, Марина только стремительнѣе закружилась впередъ. Заканчивая туръ, мы снова приближались къ терасѣ, какъ вдругъ произошло нѣчто, для меня совершенно неожиданное. Не говоря ни слова, Марина выскользнула изъ моихъ рукъ и, быстро подбѣжавъ къ Алексѣю, обняла его, какъ для танца. Онъ смутился, растерялся и началъ было отказываться, но тутъ вдругъ раздался совершенно пьяный, безконечно милый и добродушный голосъ Головина: «ну и барыня, какъ старый гусарь съ подставой танцуетъ!» Эта недѣлая выходка очевидно разрядила въ Алешѣ какую-то напряженность: передо мной мелькнула его улыбка, а черезъ секунду онъ уже самъ мелькалъ съ Мариной въ отдаленномъ углу зала.

Какъ странно было на нихъ смотрѣть, Наташа. Среди голыхъ плечъ, золотыхъ погонь, пылающихъ щекъ, стрекочущихъ усовъ, млѣющихъ взоровъ, запаха пудры и шелканья шпоръ, среди всего веселаго, звонкаго, крутящагося міра расходящагося бала — они оба, измученные и всему чужіе — Алексѣй въ смазныхъ сапогахъ, не успѣвшій даже отцѣпить своей солдатской шашки, и Марина, въ простомъ платьѣ — кружились и скользили предо мной такими окончательно непонятными выходцами того безжалостно-подлиннаго, жестокаго міра, въ которомъ я видѣлъ ихъ послѣдній разъ вмѣстѣ у Танинаго гроба, что я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что самъ кружусь въ какомъ-то безуміи и ничего не понимаю, ни кто я, ни кто они, ни что вся наша, неизвѣстно вокругъ

чего кружащаяся и неизвѣстно куда несущаяся безумная, человѣческая жизнь!

Сколько времени они кружились, я не знаю, но казалось мнѣ — безъ конца. И все такіе же непонятные: Алеша — багровый, сосредоточенный и сумрачный, словно отравленный своею душой, Марина — блѣдная и отсутствующая, словно оставившая гдѣ-то свою душу.

Но вотъ оркестръ сталъ затихать; замеръ онъ какъ разъ въ ту минуту, когда Марина съ Алексѣемъ были совсѣмъ близко отъ меня. Переставъ танцовать, Марина, не выпуская Алешинной руки — у нея, очевидно, сильно кружилась голова — шатаясь, потянулась къ стоявшему рядомъ со мною стулу. Я поспѣшилъ ей подставить его и очутился лицомъ къ лицу съ Алексѣемъ.

Сердце мое страшно забилося и рука привычно поднялась къ его рукѣ. Если бы не Марина, Алеша, быть можетъ, не подаль бы мнѣ своей — слишкомъ закинута была его голова и слишкомъ высоко вздернута лѣвая бровь надъ большимъ облачнымъ бѣлкомъ вокругъ колкаго зрачка, — но она съ такою скорбью посмотрѣла на него и такъ значительны были ея слова: «что Вы, Алеша, неужели же не всѣ мы одинаково виноваты и одинаково несчастны», что онъ, невольно подчиняясь ея волѣ, грустно улынулся и, ничего не сказавъ, крѣпко пожалъ мою руку.

Мы вышли на балконъ и пошли внизъ по аллеѣ къ рѣкѣ. До полнаго разсвѣта было еще далеко, но востокъ уже начиналъ свѣтлѣть и съ туманной рѣки дулъ свѣжій предразсвѣтный вѣтеръ. Мы всѣ слегка зябли. Марина шла между нами, ведя обоихъ насъ подъ руку. Говорили мы только объ давно прошедшемъ. Сегодня утромъ Таня была еще жива, Ты была еще Алешинной невѣстой, Марина мечтала о курсахъ въ Петербургѣ. Борисъ и я учились въ Гейдельбергѣ, однимъ словомъ, былъ счастливый 1904 годъ. Марина вспоминала о немъ съ задумчивой нѣжностью, Алеша съ восторгомъ. Марина говорила о Борисѣ и Танѣ такъ, какъ будто и послѣ

смерти они остались для нея живыми; Алеша — какъ будто бы они не умирали или онъ о ихъ смерти забылъ. Я же не говорилъ, я слушалъ и страшно волновался. Представь себѣ, послѣ всего, что здѣсь въ лагеряхъ было между мной и Алешей, вдругъ итти рядомъ съ нимъ, видѣть, какъ онъ улыбается, слышать его высокій голосъ и свѣтлый смѣхъ, развѣ это не чудо, родная? Конечно, въ душѣ я никогда не переставалъ вѣрить, что мы съ Алексѣемъ когда-нибудь снова попрежнему встрѣтимся, но что это случится такъ скоро — этого я не ждалъ.

Сейчасъ я вдвойнѣ счастливъ, Наташа: и воспоминаніемъ о неожиданной встрѣчѣ съ Алешей, и предчувствіемъ того, какъ Ты будешь о ней читать и какъ будешь радоваться!

Немного грустно, конечно, и тревожно, что этотъ часъ былъ не только прежнимъ, но и исключительно часомъ о «прежнемъ», что не чувствовалось въ немъ возможности перекинуться къ настоящему и устоять передъ нимъ. Ты можешь себѣ представить, дорогая, какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы все было иначе. Но нѣтъ, — иной вѣры пока не слышу въ себѣ. Боюсь — сегодняшнее блѣдное, туманное утро прекраснѣйшей жемчужиной безслѣдно канетъ на дно Алешиной души, боюсь — душа его снова потемнѣетъ, какъ море передъ грозой, боюсь — что до нашего, настоящего Алеши мнѣ уже завтра опять не докликаться. Будетъ это очень скорбно, Наташа, но въ сущности естественно. Еслибы чудеса повторялись въ жизни, въ жизни не было бы чудесъ.

Часамъ къ пяти мы вернулись къ собранію. Мнѣ нужно было захватить свои вещи. Что тамъ творилось — не поддается никакому описанію.

Посреди зала, взволнованно перебирая ногами, стояла выигравшая первый призъ кобыла штабсъ-капитана Хакенстрёма, которую нѣсколько человекъ старалось напоить водкой. Винченко, дирижируя оркестромъ, требовалъ, чтобы играли его душу, грозя, что «всѣхъ подъ ранецъ», если опять услышитъ вальсъ. А Головинъ водилъ на веревкѣ святыхъ мо-

щи — длиннаго, малоголоваго подпоручика Петрова и кропиль по всёмъ угламъ шампэнскимъ. Электричество призрачнымъ желто-зеленымъ свѣтомъ праздно горѣло въ утреннихъ сумеркахъ, вливавшихся въ открытыя окна вмѣстѣ съ пѣтушинымъ пѣньемъ.

За кулисами меня ждалъ Семень съ докладомъ, что Иванъ Трофимычъ уже давно подаль лошадей. Была у меня полумысль, Наташа, проводить Марину на вокзалъ, но побоялся, что съ нами поѣдетъ Алеша. Возвращаться же съ нимъ вдвоемъ — не рѣшился: не было увѣренности, что нетронутымъ привезу обратно такъ внезапно случившееся съ нами чудо.

Такъ и уѣхали они вдвоемъ. Посмотрѣлъ я имъ вслѣдъ, посмотрѣлъ и вслѣдъ ими поднятой пыли, послушалъ, какъ переѣхали они шагомъ черезъ мостъ и какъ за мостомъ снова зазвенѣлъ колокольчикъ; потомъ какъ-то невольно вернулся въ аллею, по которой мы только что ходили втроемъ. Медленно спустился къ рѣкѣ, прошелъ берегомъ до моста, тамъ сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ въ Сельцы.

Солнце уже взошло, но горизонтъ былъ весь затянутъ скучными тучами. Когда я подѣзжалъ домой, уже начиналъ крапывать мелкій, дѣловой дождь. Проводившая на станцію мужа и уже подоившая Катерина со старшимъ сыномъ сидѣла на крыльцѣ и чаевничала.

Мнѣ не хотѣлось ни спать, ни думать, и я подсѣлъ къ ихъ самобару. Удивительно, до чего независимъ въ своемъ самочувствіи русскій народъ, Наташа! Вѣдь вотъ моя Катерина — баба, а послушала бы Ты, какъ она разговариваетъ, до чего свободно, достойно и естественно. Въ Германіи не всякой профессоршѣ въ пору.

Ну, счастье мое, до свиданья. Пора кончать письмо. Пока писалъ -- все время поглядывалъ въ окно, не идетъ ли Алеша. Сейчас поздно, первый часъ ночи. Ясно, что больше ждать нечего. Можетъ быть заглянетъ завтра или пришлетъ хоть письмо.

Завтра, Наташа, окончательно рѣшается вопросъ объ

участіи нашего дивизіона въ маневрахъ. Если не участвуемъ, то я послѣзавтра или самое позднее 16-го уѣзжаю отсюда въ Москву. Есть у меня, впрочемъ, слабая надежда, что если бы наша часть и пошла въ Фили, насъ, прапорщиковъ, освободятъ и отпустятъ на всѣ четыре стороны. Въ концѣ концовъ вѣдь мы никому не нужны.

Еще разъ всюю своею любовью нѣжно обнимаю Тебя, мою милую.

Твой Николай.

P.S. Маринѣ я написалъ записку къ Павлу Васильевичу, прося ей во всемъ помочь, что касается устройства въ Москвѣ. Думаю, впрочемъ, что она передумаетъ и скорѣе всего останется на Петербургѣ. Не московская она женщина, со-всѣмъ не московская. Во всемъ ея сегодняшнемъ настроеніи, такомъ для меня неожиданномъ, во всемъ ея сегодняшнемъ танцѣ, былъ приговоръ и былъ миражъ. Долженъ сказать, что во время танца съ нею, ея вальсъ ощущается гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ когда смотришь на него со стороны.

Со стороны страстное Маринино чувство танца не достаточно чувствуется, но искаженіе его формы этою чрезмѣрною страстью сразу же видится.

Вотъ когда Ты танцуешь, моя красавица, дѣло обстоитъ много трагичнѣе: никогда не знаешь, что прекраснѣе — танцовать ли съ Тобою, или смотрѣть, какъ Ты танцуешь съ другими. Ты очаровательными бѣлыми ножками танцуешь вальсъ, Марина зачарованной темной душой — свое страданіе. Твой вальсъ — прекрасное искусство — балетъ, Марининъ — больная мистика — надрывъ.

Но я не могу больше писать, Наташа! Усталъ выписывать эти безсильныя буквы. Хочу Тебя и безконечной бесѣды съ Тобою.

Твой Николай.

Москва, 19-го августа 1911 г.

Ну, Наташа, милая Ты моя, все обошлось как нельзя лучше. Насъ отпустили уже 17-го къ обѣду, въ тотъ же день вечеромъ я выѣхалъ въ Москву. Вчера съ утра послалъ за билетомъ. Наплывъ публики страшный, но я получилъ цѣлыхъ два, чтобы быть одному въ купѣ.

Хожу по Москвѣ и все время чувствую, какъ они горятъ у меня на сердцѣ. Еще нѣсколько мелкихъ дѣлъ, нѣсколько порученій отца, ночь въ Москвѣ, а затѣмъ: легкій запахъ пыли и теплой клеенки, голова въ благоуханномъ вѣтрѣ у окна, мягкія рессоры, услужливый проводникъ... И вся эта любимая система ошущеній еще и навстрѣчу къ Тебѣ! Господи, какъ я счастливъ, Наташа!

Это письмо попадетъ въ Твои руки, вѣроятно, только на сутки раньше, чѣмъ Ты въ мои объятія! Потому пишу нѣсколько словъ. Писать Тебѣ превратилось въ абсолютную необходимость моей жизни. Не писавъ нѣсколько дней, рѣшительно не нахожу себѣ мѣста.

Вчера вечеромъ много бѣгалъ по Москвѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ты уѣхала, она страшно перемѣнилась: до края вся наполнилась Тобою.

Вашу квартиру, вѣроятно, сняли состоятельные, безвкусные, спокойные люди. Сужу по тому, что въ столовой и кабинетѣ работаютъ маляры, а въ дѣвичьей подъ граммофономъ заливается канарейка. Ничего особеннаго въ этомъ, конечно, нѣтъ, но для меня это почти непереносимо. Будь моя воля, никогда, никого не пустилъ бы больше въ Вашу квартиру! Ужасно я ревнивъ ко всему, съ чѣмъ связаны большіе часы моей жизни.

Проходя по Столешникову, все время чувствовалъ, какъ мы съ Тобою встрѣтились въ немъ въ тѣ страшные, мертвые дни, что наступили послѣ Твоего рѣшенія остаться съ Алейшей. Я знаю, что ты помнишь эту встрѣчу, но Ты не знаешь еще, моя жизнь, что она не была простою случайностью,

Нѣтъ, не выдавъ Тебя уже цѣлую недѣлю и окончательно измученный смертельною тоскою, я вышелъ на улицу съ твердою волею *встрѣчи*. Какія меня вели силы, я и сейчас не знаю, родная. Но вели онѣ меня очень твердою и увѣренной рукой. Я и получаса не пробродилъ, какъ увидѣлъ Тебя съ Лидіей Сергѣевной, блѣдную до прозрачности, словно окаменѣвшую въ скорби и думѣ. Хотя шли Вы довольно быстро, Ты осталась у меня въ памяти совершенно неподвижною. Словно Тебя мимо меня пронесли.

Какое счастье, Наташа, что эти злосчастные дни такъ быстро прошли. Какъ страшно подумать, что все висѣло на волоскѣ! Не узнай я совершенно случайно, что Ты уѣхала въ Звенигородъ, и мы, быть можетъ, до сихъ поръ мучились бы въ безысходномъ тупикѣ Алешинаго страданія и Твоей жалости.

Да, я Тебѣ еще не сообщилъ, что, поѣхавъ проводить Марину только на станцію, онѣ укатилъ съ нею въ Москву, откуда и прислалъ на слѣдующій день рапортъ о болѣзни. Думаю, что рѣшилъ онѣ такъ устроиться, чтобы избѣжать нашей вторичной *встрѣчи*. Что въ дѣйствительности онѣ не были боленъ, это я знаю отъ Марины, которая оставила мнѣ записку, что во всѣхъ ея дѣлахъ ей помогъ устроиться Алеша, такъ что любезностью Павла Васильевича ей воспользоваться не пришлось. Прошеніе въ университетъ она на всякій случай подала, но квартиры не сняла, потому что Москва ее «разочаровала».

Все случилось такимъ образомъ, совершенно такъ, какъ я ждалъ. Наша *встрѣча* съ Алешей пока ни къ чему не привела и ничего не измѣнила. Очень мнѣ это больно, Наташа, очевидно, въ душѣ все же было больше надежды, чѣмъ въ сознаніи. Но что же дѣлать — будемъ снова ждать. Не можетъ же такая душа, какъ Алешина не вернуться къ своей собственной истинѣ.

Какое счастье знать, что я пишу Тебѣ сегодня въ послѣдній разъ, что сегодня нашимъ письмамъ, Слава Богу, конецъ, что черезъ пять дней начнется настоящая жизнь.

Съ Кавказа я получилъ отъ Тебя всего только три письма. На многое очень важное Ты совсѣмъ не отвѣтила. У меня на сердцѣ такое чувство, будто я своими письмами затуманилъ Твое живое ощущеніе меня и Ты какъ то затонула въ себѣ.

Если я ошибаюсь — наше счастье, Наташа. Но если и не ошибаюсь — мнѣ не страшно, любовь моя. Я знаю, какъ только Ты обнимешь меня, Твои руки сразу же поймутъ въ моей душѣ все то, что въ моихъ письмахъ, быть можетъ, смущало Твою тихую душу.

Твоимъ страстнымъ, все понимающимъ рукамъ повѣрять Твои довѣрчивые, дѣтскіе глаза, и всякое недоумѣніе, я въ это свято вѣрю, сразу же разсѣется въ Твоей душѣ, какъ запутанный предутренній сонъ.

Только бы быстрѣе вращалась земля вокругъ своей оси и быстрѣй и быстрѣе неслись-бы послѣдніе дни. Бури и ночи просятъ паруса моей страсти, Наташа. Сердце мучительно бредитъ пылающимъ горизонтомъ твоей текинской тахты и стоящимъ въ немъ облакомъ свѣтлаго твоего платья. О какъ жду я среди низкихъ кавказскихъ звѣздъ Твоихъ ликующихъ, лучащихся глазъ надо мною и душныхъ объятій Твоихъ благоухающихъ, волнующихся рукъ.

Твой Николай.

Конецъ второй части.

Федоръ Степунъ.